

Дина Рубина

она вошла, улыбаясь широкой клоунской улыбкой, шлем свисал на ремне со стига тонкого
покроя, как корзинка с ягодами. Мгновенно стала командовать, спорить по экспозиции,
перевесила три картины местами и при этом смеялась, смеялась - странная особа: ниче

Мастер-тарабука

после невыносимо долгого скандала, хлопнув дверью и даже не зайдя к дочери. Все время
она сидела в темноте с колотящимся сердцем, машинально
енным методом: чутким пальцем в темноте угадывать изгибы
водяного колеса... Потом к ней вошла мать с залитым слезами
бой попрощаться, так торопился к своей мадам!
горячо объяснял ей, что не в состоянии был в ту ночь
- в восемьдесят девятом - внезапной смерти в лифте от
даже снились заплаканное лицо молодой матери и тускл
с Кррой бегали в кино на вечерние сеансы и уже три р
ри известного в городе адвоката. Выросшая в семье
отатства - всех этих серебряных приборов с вензеля
этих огромных, немного вычужденного рисунка ковра
очь адвоката; кивая на стенку столовой, - а в ка
Кой-то черт дернул ее за язык сказать:
такой большой... Все эта мешанская пошлость была в м
уточками. - Что с тобой? - запальчиво выкрикнула она.
ее смехом. - Что с тобой? - запальчиво выкрикнула она.
пошлости! - запальчиво выкрикнула она.
где сегодня подхватила? - запальчиво выкрикнула она.
биди, выпалила ей дочь, проговорила сп

Дина Рубина

Мастер-тарабука

«ЭКСМО»

2003

Рубина Д. И.

Мастер-тарабука / Д. И. Рубина — «Эксмо», 2003

ISBN 978-5-04-145434-0

«К открытию выставки все уже было готово. Он сидел в галерее, пил с Шерманом холодное пиво, принесенное из соседней забегаловки, и оглядывал картины на стенах. Это была первая его серьезная выставка в стране...»

ISBN 978-5-04-145434-0

© Рубина Д. И., 2003

© Эксмо, 2003

Дина Рубина Мастер-тарабука

К открытию выставки все уже было готово. Он сидел в галерее, пил с Шерманом холодное пиво, принесенное из соседней забегаловки, и оглядывал картины на стенах.

Это была первая его серьезная выставка в стране. Прошел год после приезда – целый год, в течение которого он болтался по городам в поисках работы, по галереям в попытках заинтересовать хозяев своими картинами, по кибуцам и сельхозкооперативам, стараясь получить заказы на раскрашивание водонапорных башен.

Наконец Шерман дал согласие выставить его работы к празднику Суккот на целых две недели. Время было хорошее, осеннее, туристическое – Митя строил планы и ждал от этой выставки некоего поворота судьбы.

– Осталось последнее, – сказал Шерман, прихлебывая пиво и отирая толстой пятерней пену с усов. – Сейчас приедет специалист по освещению... Я люблю, чтобы всем занимались профессионалы, – сказал он, помолчав.

Казалось странным, что у этой пивной бочки, обсиженной бородавками, одна из самых эстетских и дорогих галерей в стране.

– Я не как некоторые: повесил картины, и будь что будет, – добавил он. – Последнее слово в экспозиции у меня говорит специалист по освещению.

Тут раздался грохот, и в витрину галереи чуть не влетел мотоцикл. Юноша, примчавший на нем – необычайно хрупкий рядом со своим блестящим черным быком, – снял шлем, тряхнул гривой волос и оказался девушкой. Это и был специалист по освещению.

Она вошла, улыбаясь широкой клоунской улыбкой, шлем свисал на ремне со сгиба тонкого локтя, как корзинка с ягодами. Мгновенно стала командовать, спорить по экспозиции, перевесила три картины местами и при этом смеялась, смеялась – странная особа: ничего смешного Митя во всем этом не находил. Но была она очень хороша, впоследствии выяснилось, откуда в ней странное сочетание восточной отрешенности и западной деловитости. Восточный «крой» внешности – длинные брови на узком смуглом лице и особенное, стремительное изящество походки – она заимствовала от отца, иракского еврея, прибывшего в страну в конце пятидесятых годов. Прозрачные, чуть выпуклые серые глаза с россыпью золотых крапинок на радужке были материнскими. Ее мать вывезли перед войной из Германии в Палестину дальновидные и богатые родители. Эта взрывчатая смесь породила пятерых шумных, резких в движениях, обуянных страстью к мгновенному переключению жизненных скоростей, горластых детей обоего пола. Семья содержала два больших магазина электротоваров – в Тель-Авиве и Яффо – и фирму по установке освещения разных объектов.

Впрочем, все это выяснилось позже.

Несколько споткнувшихся друг о друга взглядов, две-три фразы (исключительно по делу – она действительно была классным специалистом: где-то убрала свет, где-то направила его на картину, где-то приглушила, где-то вдруг осветила пустой угол с одинокой плетеной корзиной... – и экспозиция выставки мгновенно приобрела респектабельный, неуловимо западный, *дорогой* вид), клоунские складочки вокруг ее всегда смеющегося рта, точные и плавные взлеты-движения рук, униженных дешевыми серебряными браслетами, какими гроздьями торгуют арабы на «шук пишпишм», блошином рынке в Яффо, и, главное, его, Мити, неожиданное и не свойственное ему с женщинами смущение – словом, минут через двадцать поняли оба, что влипли.

Так началась эта легкая, забавная связь...

В то время он за гроши снимал мастерскую в старом арабском доме в районе Яффского порта, неподалеку от «*шука пишпишим*» – крикливого, пестрого, знойного, пропахшего корицей и кориандром, маслами и марихуаной, пропитанного затхлыми запахами старых вещей, свезенных сюда эмигрантами разных стран и эпох, мерцающего из тьмы глубоких лавок зеленоватой медью блошиного рынка, расползшегося разлапистым крабом по дюжине окрестных улиц и переулков.

Железные, крашенные синей краской ставни высоких мавританских окон, после полудня защищали комнату от прямых лучей палящего солнца.

Она приходила часам к трем, легкой узкой ладонью выбивала дробь по рассохшейся двери, он открывал, они обнимались и, проковыляв так несколько шагов, валились на ощупь на широкий деревянный топчан, застланный пестрым восточным покрывалом, купленным по дешевке тут же, на блошином рынке.

...Она была серьезно занята в семейном бизнесе, но, кроме того, мастерила замысловатые украшения из бусин старого тусклого коралла, меди и серебра; лепила из глины и обжигала потешные фигурки танцующих евреев, которые быстро распродавались в дорогих туристических галереях в Яффо; писала стихи и – потрясаяще играла на тамбурине.

Это выяснилось в первый же день, когда, поблескивая в полутьме то влажной от пота спиной, то узким плечом, вдруг открывающим белое полукружье груди, она прохаживалась, осваиваясь в его мастерской. И увидела на полке, среди стеклянных банок, кистей, бутылок с лаком, тамбурин, купленный Митей по случаю здесь же, на блошином рынке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.